

В.Н. Калущков

КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ НАЦИОНАЛЬНОГО ПЕЙЗАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; v.kalutskov@yandex.ru

Аннотация. Одна из культурно-географических проблем исследования литературного пейзажа заключается в определении самого понятия пейзажа, которое некоторые авторы сводят к описанию природы, «не замечая» важности его культурной составляющей.

Другая теоретическая проблема проистекает из первой и связана с пониманием национального пейзажа как типически обобщенного образа родной природы. При этом не учитываются существенные природные и культурные контрасты большой страны: не ясно как «обобщать» лесной и степной, городской и сельский, морской и речной пейзажи.

Одним из вариантов решения проблемы национального пейзажа в литературе — регионально-авторский подход, суть которого заключается в выборе исследователем одного из региональных пейзажей гениев места (пушкинского Михайловского, лермонтовских Тархан, тургеневского Спасского-Лутовинова или Мещеры Паустовского) как пейзажа национально-го; но в этом случае большую роль играет не столько характер ландшафта, сколько индивидуальные литературные предпочтения исследователя.

Другой — объективированный, или этнокультурный, — вариант решения проблемы обосновывает выбор березовой рощи в качестве русского национального пейзажа.

Ключевые слова: литературная география, пейзаж, географический образ, литературный пейзаж, национальный пейзаж, ландшафт, геокультура

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-12

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» и гранта Русского географического общества «Литературные ландшафты и их роль в формировании привлекательных образов регионов России».

Калущков Владимир Николаевич — доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, v.kalutskov@yandex.ru

© Калущков В.Н., 2025

Для цитирования: Калуцков В.Н. Культурно-географические проблемы исследований национального пейзажа (на материале русской литературы) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 1. С. 171–185. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-12

Литературный пейзаж — одно из важных понятий литературной географии [Калуцков, 2024]. К.Г. Паустовский, один из самых лиричных, тонко чувствующих родную природу русских писателей, писал о значении пейзажа в литературе: «Пейзаж — не довесок к прозе и не украшение. В него нужно погрузиться, как если бы вы погрузили лицо в груды мокрых от дождя листьев и почувствовали их роскошную прохладу, их запах, их дыхание»¹.

Важной общественной функцией пейзажа является образная репрезентация земного пространства. Именно она способствует развитию пространственного воображения как в общественной среде, так и среди профессионалов.

Национальный пейзаж как образ традиционного ландшафта

Литературный пейзаж относится к своеобразному типу географических образов: «Литературный пейзаж можно трактовать как создаваемое при помощи языковых средств визуальное или мультисенсорное <...> изображение первозданного или содержащего следы человеческого присутствия открытого природного пространства, несущее информационную и эмоционально-эстетическую нагрузку» [Воронин, 2017]. В Литературном энциклопедическом словаре приводится определение литературного пейзажа как описания «любого незамкнутого пространства внешнего мира» [Пейзаж, 1987]. Более компактное определение пейзажа в литературе предлагает Толковый словарь Д.Н. Ушакова: «описание природы в литературном произведении» [Пейзаж, 1939].

В русском языке и культуре довольно долго пейзаж и ландшафт рассматривались как синонимы и трактовались с позиции живописи, а именно: как видопись, вид природы, картина местности, сельский вид [Даль, 1882]. Как видим, современные словари утратили такие важные для нашего исследования контексты понимания пейзажа, как «картина местности» и «сельский вид».

И в литературе, и в живописи пейзаж представляет собой *художественное, или «картинное», описание природы* [Пигарев, 1972].

¹ Паустовский К.Г. Золотая роза // Избранные произведения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1977. Т. 2: Золотая роза. Повесть. Рассказы. С. 191–192.

Ю.Г. Тютюнник назвал литературные пейзажи *образами-картинами* [Тютюнник, 2021].

При всем разнообразии пейзажных стилей пейзажное видение мира означает вертикальный тип восприятия окружающего пространства, охватывающий относительно небольшую территорию — всего несколько километров. *Пейзажные образы* — это *визуальные образы ближнего мира*, ограниченные *взглядом и воображением автора*.

По мнению М.Н. Эпштейна, национальный пейзаж представляет собой обобщенный образ родной природы [Эпштейн, 1990: 130]. Сходной позиции придерживается и К.В. Пигарев: национальный пейзаж — типически обобщенный образ родной природы [Пигарев, 1971: 110].

Вместе с тем подобные определения не учитывают важный геокультурный аспект. И в литературе, и в живописи (от Брейгеля и Констебля до Шишкина и Поленова) пейзажные репрезентации изображают преимущественно не природный, а сельский, *деревенский ландшафт*, где наряду с природой представлены особенности национальной или региональной культуры — архитектура, жители и их занятия, уголья, домашние животные².

На это обстоятельство обращает внимание Е.Ю. Колбовский, отмечая взаимосвязь национального культурного ландшафта и национального пейзажа [Колбовский, 2004].

По мнению британского географа С. Даниэльса, национальное самосознание и пейзажные изображения типичных национальных ландшафтов взаимосвязаны [Daniels, 1993]. Пейзажная картина может определять видимую форму нации (этноса), выражая суть этнического характера. Например, известная картина Дж. Констебля «Повозка для сена», изображающая сельскую Англию, по его словам, оценивалась британцами как страна в миниатюре, то, что должно защищать и ради чего стоит умереть.

Пейзажи с таким мощным культурным потенциалом можно считать национальными.

Итак, *под национальным пейзажем* понимается *литературная картина местности, изображающая традиционный деревенский ландшафт* с характерными особенностями национальной природы и культуры.

² Творческая деятельность некоторых российских художников, например, А.А. Борисова, С.Г. Писахова, Г.И. Гуркина, действительно связана с изображением «дикой природы» удаленных уголков России. Но все же ареал творчества большей части русских передвижников и художников советского времени охватывает хорошо освоенную среднюю полосу России с сильно окультуренными ландшафтами [7, 21].

Вербальные маркеры пейзажей в литературе

Одни вербальные маркеры — слова *картина*, *вид*, *панорама*, которые регулярно встречается в подобных литературных текстах, отражают генетическую связь литературных пейзажей с пейзажами живописными.

Например, в стихотворении А.С. Пушкина «Деревня» при описании вида из Михайловского (*Везде передо мной подвижные картины*) или «картина» окружающего ландшафта окрестностей Карабихи у Н.А. Некрасова в поэме «Дедушка» (*Рад, что я вижу картину, / Милую с детства глазам*). Другой пример: в «Записках охотника» автор регулярно использует такой маркер, как вид: «*Вы взобрались на гору ... Какой вид!*»³. В кавказских произведениях М.Ю. Лермонтова автор использует такой пейзажный маркер, как панорама: «*И точно, такую панораму вряд ли, где еще удастся мне увидеть: под нами лежала Койшаурская долина, пересекаемая Арагвой...*»⁴.

Нередко можно встретить термин *ландшафт*, имея в виду, что ландшафт и пейзаж литераторами, как правило, воспринимались как синонимы: «*Места вокруг Тарусы поистине прелестны. ... Прекрасный ландшафт есть дело государственной важности и что он должен охраняться законом*»⁵.

Другие вербальные маркеры связаны с местом восприятия литературного пейзажа. Наиболее широко распространенные места обзора окрестностей: *окно* или *крыльцо дома*, *высокий берег реки*, *гора*. Например, у Тургенева: «*Пошли степные места. Глянешь с горы — какой вид!*»⁶ или у Пушкина «... А ныне погляди в *окно* / Под голубыми небесами...».

Элементы русского пейзажа у Пушкина и Лермонтова

В русской литературе представления о национальном пейзаже сложились уже во второй половине XIX века, а в русской живописи почти на полвека позже, в 1860–70-е годы [Пигарев, 1971]. При этом у истоков русского литературного пейзажа стояли А.С. Пушкин и П.А. Вяземский [Эпштейн, 1990].

³ Тургенев И.С. Записки охотника // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. 2 изд. М.: Наука, 1978–2018. Т. 3. 1979. С. 355.

⁴ Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 22.

⁵ Паустовский К.Г. Письмо из Тарусы // Собрание сочинений в девяти томах. М.: Художественная литература, 1981–1983. Т. 7. 1983. С. 355.

⁶ Тургенев И.С. Записки охотника // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. 2 изд. М.: Наука, 1978–2018. Т. 3. 1979. С. 359.

Следуя за В.П. Семеновым-Тян-Шанским, подчеркнем не только художественную и культурную, но и научную ценность литературных пейзажей: «Особенно близка к чисто научному географическому описанию художественная проза. Описание лесостепи Сергеем Аксаковым или Тургеневым, степи — Гоголем или Чеховым производит неизгладимое в чисто географическом смысле впечатление» [Семенов-Тян-Шанский, 2017: 267].

Рассмотрим описание двух осенних пейзажей средней полосы, выполненные Пушкиным и Лермонтовым, фиксируя внимание на подчеркнутые поэтами основные элементы пейзажа (табл. 1).

Таблица 1

**Описание двух пейзажей средней полосы
(основные элементы пейзажа выделены полужирным шрифтом)⁷⁸**

А.С. Пушкин «Евгений Онегин», «Отрывок из путешествий Онегина» ⁷	М.Ю. Лермонтов «Родина» ⁸
<p><i>Иные нужны мне картины: Люблю песчаный косогор, Перед избушкой две рябины, Калитку, сломанный забор, На небе серенькие тучи, Перед гумном соломы кучи — Да пруд под сенью ив густых, Раздолье уток молодых; Теперь мила мне балалайка Да пьяный топот трепака Перед порогом кабака.</i></p>	<p><i>Проселочным путем люблю скакать в телеге И, взором медленным пронзая ночи тень, Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге, Дрожащие огни печальных деревень; Люблю дымок спаленной жнивны, В степи ночующий обоз И на холме средь желтой нивы Чету белеющих берез. С отрадой, многим незнакомой, Я вижу полное гумно, Избу, покрытую соломой, С резными ставнями окно; И в праздник, вечером росистым, Смотреть до полночи готов На пляску с топаньем и свистом Под говор пьяных мужичков.</i></p>

Поэты представляют нам поволжский вариант русского пейзажа: и пушкинское Болдино, и лермонтовские Тарханы раскинулись в пределах лесостепной зоны, о чем напоминает и сам поэт: «В степи ночующий обоз...».

⁷ Пушкин А.С. Евгений Онегин // Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Изд-во АН СССР, 1964. Т. 5. С. 203.

⁸ Лермонтов М.Ю. Родина // Избранные произведения: в 2 т. Л.: Советский писатель, 1964. Т. 2. С. 70–72.

Заметим, что описания русского сельского пейзажа у двух поэтов во многом схожи. В обоих случаях это осенние пейзажи, которыми поэты любят. Описания и композиционно близки — от описания природы к наблюдению за весельем крестьян.

Однако набор типичных элементов пейзажа у Лермонтова существенно богаче. Он включает осенние поля — нивы и жнивы (жнива, или жнивье — это убранное поле), покрытую соломой избу, окна с резными ставнями (для Поволжья эта традиция характерна), гумно и очень важный элемент русского национального пейзажа — березы.

Природное и региональное измерения русского пейзажа

Как было показано выше, по мнению некоторых литературоведов, национальный пейзаж представляет собой типически обобщенный образ родной природы [Пигарев, 1971; Эпштейн, 1990]. Однако подобный подход не выдерживает критики, поскольку авторы в таких определениях не учитывают два важных момента: природный и геокультурный.

Во-первых, как можно «типически обобщать» такие разные природные пейзажи, как лесные и степные, луговые и речные, сельские и городские, горные и равнинные? Даже средняя полоса России, охватывающая центральную часть Европейской России, характеризуется большим природным разнообразием. В природном плане в северной половине она представлена ландшафтами смешанных (хвойно-широколиственных) и широколиственных лесов, а в южной части — ландшафтами лесостепей.

А во-вторых, в средней полосе значительны различия региональных культурных ландшафтов, или региональных геокультур, — псковско-новгородских, орловско-воронежских и нижегородских, каждая из которых характеризуются своей региональной лексикой, архитектурой, деталями быта, хозяйственным своеобразием⁹.

Поэтому не ясен механизм подобного обобщения, который бы привел к представлению о национальном пейзаже.

Литературные усадьбы, родовые гнезда писателей и поэтов, воспетые в произведениях, находятся в разных культурно-природных

⁹ Под геокulturой понимается процесс накопления и осмысления определенной культурой системы географических образов [Замятин, 2006: 62]. При этом важно, что в этом процессе участвуют как экзогенные (влияние религиозных ценностей и политики государства), так и эндогенные факторы, которым относятся своеобразие местной культуры и природы. При этом в региональных и локальных геокультурах роль внутренних факторов может быть весьма существенна.

условиях. У каждого автора — «свой» регион со специфическими культурными характеристиками и «свои» природные ландшафты.

Так, пушкинское Михайловское, расположенное в зоне смешанных и широколиственных лесов, относится к псковской региональной геокультуре¹⁰:

*Я твой: люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты...*

Поэтом представлен осенний деревенский ландшафт — скошенные луга, поля, пасущиеся стада, деревни, дымящие овины, которые использовались для просушки собранного урожая, ветряные мельницы. Однако внимательный взор поэта фиксирует и важные природные особенности псковской геокультуры, расположенной в зоне конечных морен Валдайского оледенения, — холмистый характер рельефа и обилие озер.

К зоне смешанных и широколиственных лесов принадлежит также и некрасовская Карабиха; однако ее фоновой геокультурой является ярославская с своими говорами, особенностями хозяйства и архитектуры. Такой вид в окрестностях усадьбы описал Некрасов в поэме «Дедушка»¹¹:

*Рад, что я вижу картину,
Милую с детства глазам.
Глянь-ка на эту равнину —
И полюби ее сам!
Две-три усадьбы дворянских,
Двадцать господних церквей,
Сто деревенек крестьянских
Как на ладони на ней!*

¹⁰ Пушкин А.С. Деревня // Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 1. С. 359.

¹¹ Некрасов Н.А. Дедушка // Стихотворения: в 3 т. Л.: Советский писатель, 1956. Т. 2. С. 134.

А вот характеристика пейзажа малой родины после возвращения поэта из-за границы. При описании пейзажа Некрасов использует прием противопоставления русского (в данном случае ярославского) пейзажа европейскому¹²:

*Все рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!*

Певцом лесного пейзажа был К.Г. Паустовский. Писатель на всю жизнь полюбил Мещерский край, расположенный на стыке Московской, Рязанской и Владимирской областей: «*Что можно увидеть в Мещерском крае? Цветущие или скошенные луга, сосновые боры, поемные или лесные озера, заросшие черной кугой, стога, пахнувшие сухим и теплым сеном. Сено в стогах держит тепло всю зиму*». И далее: «*что услышать в Мещерском крае, кроме гула сосновых лесов? Крики перепелов и ястребов, свист иволги, суетливый стук дятлов, вой волков, шорох дождей в рыжей хвое, вечерний плач гармоники в деревишке, а по ночам — разноголосое пение петухов, да колотушку деревенского сторожа*»¹³.

Таким образом, на основании представленных произведений Пушкина, Некрасова, Паустовского и многих других можно отнести к «лесным» литераторам: в их авторских текстах воспроизводятся лесные пейзажи зоны смешанных и широколиственных лесов с элементами характерных региональных геокультур.

И напротив, опираясь на природное измерение пейзажа, Лермонтова с его Тарханами, Тургенева со Спасским-Лутовиновым, Лескова, Аксакова с его родовым именем Аксаково можно считать «лесостепными» литераторами, поскольку в их литературных произведениях постоянно проявляются не только лесные, но и степные мотивы.

Приведем пример литературного описания лесостепного ландшафта И.С. Тургеневым: «*Пошли степные места. Глянешь с горы — какой вид! Круглые, низкие холмы, распаханые и засеянные доверху, разбегаются широкими волнами; заросшие кустами овраги вьются между ними; продолговатыми островами разбросаны небольшие рощи; от деревни до деревни бегут узкие дорожки; церкви белеют;*

¹² Некрасов Н.А. Тишина // Полное собрание стихотворений: в 3 т. Л.: Советский писатель, 1967. Т. 2. С. 7.

¹³ Паустовский К.Г. Мещерская сторона: повести и рассказы. М.: Время, 2018. С. 175.

между лозниками сверкает речка, в четырех местах перехваченная плотинами; далеко в поле гуськом торчат драхвы; старенький господский дом со своими службами, фруктовым садом и гумном приютился к небольшому пруду. Но далее, далее едете вы. Холмы все мельче и мельче, деревья почти не видать. Вот она наконец — безграничная, необозримая степь»¹⁴.

Как видим, каждый из литераторов предлагает свой — региональный — вариант национального пейзажа: Пушкин — псковский лесной, Некрасов — ярославский лесной, Лермонтов — пензенский лесостепной, Тургенев — орловский лесостепной, Паустовский — мещерский лесной пейзаж и т.д. Тем самым, национальный пейзаж приобретает авторское региональное измерение.

Таким образом, с учетом природного и геокультурного разнообразия России в качестве национального может выступать любой *региональный пейзаж гения места, содержащий узнаваемые характерные черты национальной культуры и природы.*

При данном подходе к решению проблемы национального пейзажа окончательный выбор зависит от исследователя, его ландшафтного опыта и литературных вкусов и предпочтений. Для одного важнее будет региональное решение проблемы, например, выбор лесостепного или лесного пейзажа. А для другого более значимым окажутся не пейзажные описания, а личность писателя или поэта.

Вместе с тем, существует и другое решение вопроса о национальном русском пейзаже, другой тип «обобщения».

Березовая роща как квинтэссенция русского пейзажа

Как справедливо указывает Е.М. Лавренко, «главным героем» русского пейзажа выступает береза [Лавренко, 1944]. Как это случилось? Какие природные, исторические и собственно культурные факторы способствовали такому решению проблемы русского пейзажа?

В процессе освоения Русской равнины восточными славянами коренные хвойные и широколиственные леса сменялись вторичными лесами — прежде всего березовыми. Неслучайно лесоводы называют березу спутником человека, в данном случае русского человека. «Спутник» оказался на редкость полезным: березовые дрова — самые жаркие (да и ехать в лес далеко не надо), лучина помогала коротать длинные ночи, а береста широко использовалась

¹⁴ Тургенев И.С. Записки охотника // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т., 2 изд.-е. М.: Наука, 1978–2018. Т. 3. 1979. С. 359.

в строительстве. Березовый веник помогал поддерживать здоровье, а березовый сок после суровой зимы приносил утешение детворе.

Так исторически сложилось, что береза стала ближним, «домашним» деревом для русского крестьянина: березовые леса всегда окружают деревню.

Кроме того, березовую рощу можно рассматривать в качестве «миротворца» русского пейзажа. Как мы уже указывали, исходные ландшафты средней полосы довольно разнообразны и непохожи друг на друга — это и хвойные, и смешанные, широколиственные леса, и лесостепи. Но в результате векового освоения вторичные березовые рощи заменили коренные леса и лесостепи и тем самым во многом *снивелировали природное разнообразие, сделали визуально похожими пейзажи разных регионов средней полосы России.*

Повсеместность распространения березы и близость ее к крестьянскому дому способствовали тому, что тема березы широко представлена в русском фольклоре и мифологии (береза, к примеру, занимает важное место в троицких обрядах). Тему тесной связи березы с домом подхватила русская поэзия: «Печальная береза / У моего окна...» (А. Фет), или «Белая береза / Под моим окном...» (С. Есенин).

Под влиянием русского фольклора береза символически воспринимается как русское национальное дерево, ассоциируется с Россией. Примечательна сходная реакция двух поэтов, оказавшихся на разных краях русского мира, при встрече с березой (Пушкин был в Крыму, а Случевский — на Кольском полуострове). А.С. Пушкин: «Мы переехали горы, и первый предмет, поразивший меня, была береза, северная береза. Сердце мое сжалось»¹⁵. К.К. Случевский: «Последняя представительница на Севере наших лиственных лесов, березка (*речь идет о карликовой березе — В.К.*), съживившись и мельчая, все-таки не покидает здесь родной земли, гнется к ней, лобызает, довольствуется тем, что дает ей эта тощая земля...»¹⁶.

Отечественная живопись визуализировала и усилила символический фольклорно-литературный образ березы как национального дерева. Этому тренду во многом помогла... география: ареал творчества большей части передвижников и художников советского времени охватывает хорошо освоенную среднюю полосу России, совпадая с ареалом древнего славянского освоения с повсемест-

¹⁵ Пушкин А.С. Отрывок из письма к Д. // Полное собрание сочинений: в 2 т. М.: Издательский центр «Классика», 1999. Т. 2. С. 149.

¹⁶ Случевский К.К. По Северо-Западу России. СПб: издание А.Ф. Маркса, 1897. Т. 1. По Северу России. С. 305.

ным распространением березовых рощ. Большая часть пейзажей Ф.А. Васильева, А.К. Саврасова, В.Л. Поленова, И.И. Левитана, В.А. Серова, И.С. Остроухова, В.К. Бялыницкого-Бирули, И.Э. Грабаря, К.Ф. Юона, В.Н. Мешкова и многих других художников относятся именно к средней полосе Европейской России [Лавренко, 1944].

Помимо повсеместной встречаемости в центре России береза обладает важными для художника достоинствами: белой корой, поникшими ветвями, яркой блестящей листвой весной и золотистой осенью. Об этом ярко высказался И.Э. Грабарь: «Что может быть прекраснее березы, единственного в природе дерева, ствол которого ослепительно бел, тогда как все остальные деревья на свете имеют темные стволы. Фантастическое, сверхъестественное дерево, дерево-сказка. Я страстно полюбил русскую березу и долго почти одну только ее и писал»¹⁷.

Не удивительно, что на сотнях пейзажей, вошедших в золотой фонд отечественной живописи изображены березовые перелески в разные сезоны года и в разную погоду. Приведем название нескольких из них: И.Е. Репин «Березы. Солнечный день», А.К. Саврасов «Ранняя весна. Березы у реки», А.И. Куинджи «Стволы берез», «Березовая роща», «Лесок с березой», И.И. Шишкин «Березовый лес», «Сломанная береза», «Березовая роща», «Ручей в березовом лесу», «Березняк», «Летний пейзаж с березой», И.И. Левитан «Березовая роща», «Осень. Березки», «Березы. Опушки леса».

Тем самым, возвращаясь к проблеме «обобщенного» русского пейзажа, можно утверждать, что березовая роща «сама его обобщила», т.е. способствовала *повсеместной унификации исходно разнообразного пейзажа средней полосы России*.

Поэтому *национальным пейзажем России*, сложившимся в процессе славянского освоения Срединной России и закрепленным в фольклоре, литературе и живописи, следует считать *березовую рощу*.

Заключение

Под национальным пейзажем в литературе понимается литературная картина местности, изображающая традиционный деревенский ландшафт с характерными особенностями национальной природы и культуры.

¹⁷ Березы Игоря Грабаря // Русский контур [Электронный ресурс]: URL: <https://ruskontur.com/berezy-igorya-grabarya/> (дата обращения: 28.08.2024).

В качестве национального русского пейзажа может выступать любой региональный пейзаж гения места, пейзаж его малой Родины, содержащий узнаваемые характерные черты национальной культуры и природы.

Другой вариант решения вопроса о национальном пейзаже, вариант, основанный на материалах русского фольклора, литературы и живописи, — признать национальным русским пейзажем березовую рощу.

Ареал формирования русского национального пейзажа — средняя полоса России — представляет собой материнский ландшафт русского народа с повсеместным распространением березовых рощ. В таком контексте понятно, что «природность» березовой рощи весьма условна. Когда мы видим березовую рощу, она словно говорит нам: в этих местах когда-то был русский крестьянин, он здесь хозяйничал («куда топор и коса ходили»), приходил сюда в Троицу, посвящал березе свои песни... Иначе, березовая роща представляет собой квинтэссенцию русского национального пейзажа.

Важный фактор, оказавший влияние на формирование березовой рощи как национального пейзажа, — совпадение ареала древнего славянского освоения в средней полосе России с ареалом основных литературных усадеб и ареалом деятельности большей части русских художников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воронин Р.А.* Виды и функции пейзажных описаний в литературе // Филология и лингвистика в современном виде: материалы I Международ. науч. конф. М.: Буки-Веди, 2017. С. 1–4.
2. *Даль В.И.* Пейзаж // Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.; СПб: издание М.О. Вольфа, 1882. С. 27.
3. *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.
4. *Калуцков В.Н.* Литературная география: Учебное пособие. М.: Изд-во Московского университета, 2024.
5. *Колбовский Е.Ю.* Культурный ландшафт и национальный пейзаж: две стороны одной реальности // Историческая география: теория и практика. СПб.: Изд-во РГГМУ, 2004. С. 22–30.
6. *Лавренко Е.М.* Ландшафт в пейзажном искусстве старейших московских художников // Известия ВГО. 1944. № 4. С. 192–201.
7. Пейзаж // Толковый словарь русского языка: т. 1–4. Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1935–1940. Т. 3. 1939. С. 79.
8. Пейзаж // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл. 1987. С. 272.

9. *Пизарев К.В.* Русская литература и изобразительное искусство: очерки о русском национальном пейзаже середины XIX в. М.: Наука, 1972.
10. *Рогачев С.В.* Пределы Центральной России в восприятии русских литераторов // Вопросы географии. Сб. 151. Российские литераторы, окружающая среда и географическое общество. М.: Медиа-ИРЕСС, 2020. С. 15–110.
11. *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Район и страна. М.: Пеликан, 2017.
12. *Тютюнник Ю.Г.* Художественное ландшафтоведение в географическом описании // Географический вестник. 2021. № 3(58). С. 6–20.
13. *Эпштейн М.Н.* Природа, мир, тайник вселенной: система пейзажных образов в русской литературе. М.: Высшая школа, 1990.
14. *Daniels S.* Fields of Vision. Landscape Imagery and National Identity in England and United States. Oxford: Polity Press, 1993.

Vladimir N. Kalutskov

**CULTURAL AND GEOGRAPHICAL PROBLEMS
OF NATIONAL LANDSCAPE RESEARCH
(BASED ON MATERIAL OF RUSSIAN LITERATURE)**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; v.kalutskov@yandex.ru

Abstract. One of the cultural and geographical problems of literary landscape research is the definition of the very concept of landscape, which some authors reduce to a description of nature, “not noticing” the importance of its cultural component.

Another theoretical problem stems from the first and is related to the understanding of the national landscape as a typically generalized image of native nature. At the same time, significant natural and cultural contrasts of a large country are not taken into account: it is not clear how to “generalize” forest and steppe, urban and rural, sea and river landscapes.

One of the ways to solve the problem of the national landscape in literature is for the researcher to choose one of the regional landscapes of the geniuses of the place (Pushkin’s Mikhailovsky, Lermontov’s Tarkhans, Turgenevsky’s Spassky-Lutovinov or Meshchera Paustovsky) as a national landscape; but in this case, an important role is played not so much by the nature of the landscape as by the individual literary preferences of the researcher.

Another objectified solution to the problem justifies the choice of a birch grove as a Russian national landscape.

Keywords: literary geography, landscape, geographical image, literary landscape, national landscape, landscape, geoculture

Funding. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the world cultural and historical heritage”.

For citation: Kalutskov V.N. (2025). Cultural and geographical problems of national landscape research (based on the material of Russian literature). *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(28), pp. 171–185. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-12 (In Russ.)

About the authors: Vladimir N. Kalutskov — Dr. Habil. in Geographical Sciences, Professor of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; v.kalutskov@yandex.ru

REFERENCES

1. Voronin R.A. 2017. Vidy i funktsii peizazhnykh opisaniy v literature [Types and functions of landscape descriptions in literature]. *Filologiya i lingvistika v sovremennom vide: materialy I Mezhdunarod. nauch. konf.*, Buki-Vedi, Moscow, pp. 1–4. (In Russ.)
2. Dal V.I. 1882. Peizazh [Landscape]. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*, Vol. 3, M.; St. Petersburg: Edition of M.O. Wolf, p. 27. (In Russ.)
3. Zamyatin D.N. 2006. *Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and space: Modeling of geographical images], Moscow: Znak. (In Russ.)
4. Kalutskov V.N. 2024. *Literaturnaya geografiya: Uchebnoe posobie* [Literary geography: Textbook], Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)
5. Kolbovsky E.Y. 2004. Kul'turnyi landshaft i natsional'nyi peizazh: dve storony odnoi real'nosti [Cultural landscape and national landscape: two sides of the same reality]. *Istoricheskaya geografiya: teoriya i praktika*, St. Petersburg: Publishing House of RGGMU, pp. 22–30. (In Russ.)
6. Lavrenko E.M. 1944. Landshaft v peizazhnom iskusstve stareishikh moskovskikh khudozhnikov [Landscape in landscape art of the oldest Moscow artists]. *Izvestiya VGO*, St. Petersburg, no. 4, pp. 192–201. (In Russ.)
7. Peizazh [Landscape]. 1939. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: t. 1-4. Pod red. prof. D.N. Ushakova*, Moscow: Gos. in-t «Sovetskaya enciklopediya», 1935–1940, vol. 3, p. 79. (In Russ.)
8. Peizazh [Landscape]. 1987. *Literaturnyy enciklopedicheskij slovar'*, Moscow: «Sovetskaya enciklopediya», p. 272. (In Russ.)
9. Pigarev K.V. 1972. *Russkaya literatura i izobrazitel'noe iskusstvo: ocherki o russkom nacional'nom pejzazhe serediny XIX v.* [Russian literature and fine arts: essays on the Russian national landscape of the middle of the XIX century]. Moscow: Nauka, (In Russ.)
10. Rogachev S.V. 2020. Predely Tsentral'noi Rossii v vospriyatii russkikh literatorov [The limits of Central Russia in the perception of Russian writers]. *Voprosy geografii. Sb. 151. Rossijskie literatory, okruzhayushchaya sreda i geograficheskoe obshchestvo*, Moscow: Media-PRESS, pp. 15–110. (In Russ.)
11. Semenov-Tyan-Shansky V.P. 2017. *Rajon i strana* [District and country]. Moscow: Pelikan. (In Russ.)
12. Tyutyunnik Yu.G. 2021. Hudozhestvennoe landshaftovedenie v geograficheskom opisaniy [Artistic landscape studies in geographical description]. *Geograficheskij vestnik*, Perm, no. 3(58), pp. 6–20. (In Russ.)

13. Epstein M.N. 1990. *Priroda, mir, tajnik vselennoj: sistema pejzazhnyh obrazov v russkoj literature* [Nature, the world, the secret place of the universe: a system of landscape images in Russian literature]. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)

14. Daniels S. 1993. *Fields of Vision. Landscape Imagery and National Identity in England and United States*. Oxford: Polity Press.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024;
одобрена после рецензирования 06.11.2024;
принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 23.09.2024;
approved after reviewing 06.11.2024;
accepted for publication 25.12.2024.